

Этот вензель^{10*} мы употребляем между собой, он значит: “*Conventus Fratrum Neo-Zofingiorum vivat, crescat, floreat!*”^{10*}.

¹ А.А. поступил в Бернский университет в октябре 1858 г. (занятия начались 3 ноября); окончил его весной 1861 г. со степенью доктора медицины.

² Медицину А.А. изучал под руководством Ф.-В. Фогта, отца К. Фогта, а также, по-видимому, М. Шиффа. Ср. вступительную статью к наст. публикации.

³ Герцен считал этот курс преждевременным (см. XXVI, 268).

⁴ Мнение Герцена о дальнейшем образовании сына, в том числе о возможной поездке в Париж, см. в его ответном письме от 27 мая (XXVI, 268).

⁵ “Статья моя *об войне уже набрана*”, – писал Герцен 19 мая 1859 г. (XXVI, 267). – Статья “Война” была опубликована в л. 44 “Колокола” от 1 июня 1859 г. (см. XIV, 98–104), впоследствии вошла в цикл “Война и мир” (XIV, 97–115). В этой статье Герцен высказывал свою позицию по отношению к войне между Францией, Италией и Австрией. В письме к сыну от 27 мая он подчеркивал, что “надобно пользоваться этой войной для разрушения Австрии, не делаясь бонапартистом” (XXVI, 269).

⁶ Кауфман и М. Шлезингер сначала в Париже, а затем в Лондоне издавали “*Lithographische Korrespondenz*” (своеобразные бюллетени для печати – ср. XXVI, 260). Кауфман, которого Герцен в “Былом и думах” называет своим приятелем (см. XI, 423), бывал в их доме. О нем и его корреспонденциях нередко упоминается в переписке Герцена 1857–1859 гг. А.А. был лично знаком с Кауфманом (см. XXX, 828) и мог не только читать, но и слышать от него политические анекдоты, в духе которых, выдержаны, по его мнению, посылаемые отцу стихи. Интересно, что Герцен также ссылаясь на острооты Кауфмана (см. XXVII, 512).

⁷ К. Фогт прислал деньги в счет своего долга Герцену (см. XXVI, 260 и “Лит. наследство”, т. 96, с. 167).

⁸ По-видимому, речь идет об очередной экскурсии вместе с К. Фогтом (ср. XXVI, 246).

⁹ Висконти в Ницце продавал издания Вольной русской типографии. Очевидно, Герцен рекомендовал ему получить у него какую-то сумму (см. XXVI, 243, 265).

¹⁰ Расшифровка вензеля (“Да здравствует, растет, процветает союз братьев новозофингенцев” – лат.) позволяет предполагать принадлежность А.А. к одной из студенческих корпораций, по-видимому, имевшей отношение к расположенному невдалеке от Берна местечку Zofingue. Отмечу, что А.А., очевидно, не придавал значения отрицательному отношению отца к “студенческим комершам и ассоциациям”. (“Тут живого нет ничего”, – писал Герцен 10 ноября 1858 г. – XXVI, 221). “Не теряй времени на студенческие приемы, посвящения”, – повторяет он в письме от 17 ноября того же года (там же, 223).

А.А. ТУЧКОВУ

Публикация И.Г. Птушкиной

С Алексеем Алексеевичем Тучковым (1800–1878), членом тайных декабристских обществ, соседом Огарева по пензенскому имению, отцом Н.А. Тучковой-Огаревой, Саша Герцен, вероятно, был знаком с детских лет. Несколько месяцев в 1848 г. Герцены (в том числе и Саша) жили с Тучковыми в Италии и Франции как бы одной семьей.

В 1857 г. Тучков приехал в Англию, чтобы повидаться с дочерью и со своим зятем Огаревым. В дом Герценов в Путнее приехал не чужой, а свой, близкий человек. Публикуемое письмо является несомненным свидетельством этой близости и как бы иллюстрирует слова Герцена, написанные в Париж вскоре после отъезда Тучкова из Англии – перед возвращением в Россию: “Благодарю вас душевно за всю дружбу и любовь не только ко мне – но и ко всем детям” (XXVI, 111).

И дело здесь не только в том, что Тучков занимался с сыном Герцена математикой. Главное, что это был друг Огарева, человек из России. Характерно выразившееся в письме настроение восемнадцатилетнего Саши: “Как бы я желал быть снова с вами, и особенно пожить с вами в России. Надеюсь, что это время еще придет когда-нибудь!”

Можно в известной мере считать это следствием рассказов Тучкова о родине.

Отголосок бесед Тучкова с детьми Герцена слышится и в письме Н.А. Тучковой-Огаревой к родителям о Саше и его сестрах. “Дети только и бредят Россией...” (ЛЖГ II, 384). Герцен очень дорожил каждой возможностью действительно воспитывать в детях любовь к родине, и настоящее письмо – выразительный штрих, свидетельствующий о том, как эта любовь воспитывалась.

Теплое чувство к Тучкову навсегда сохранилось в душе А.А. Герцена. В январе 1876 г., уже после трагической гибели сестры Лизы, он охарактеризовал Тучкова как “милого, дорогого, святого старика”. “Скажи ему, – писал Александр Александрович Тучковой-Огаревой, – как я его глубоко люблю и уважаю” (АО, 226).

Письмо печатается по автографу РГАЛИ, ф. 498, оп. 1, ед. хр. 28, л. 1–1 об.

^{20*} В тексте рисунок вензеля с латинскими заглавными буквами C, F, N и строчными v, c, f.

(Путней. 25 июля 1857 г.)¹

Любезный Алексей Алексеевич,

Я уже не завидую вам в том, что вы в Париже, оттого что, по вашим письмам, там не так хорошо, как я думал. Но я все-таки храню зависть за то, что вы едете в Россию². Как бы я желал быть снова с вами, и особенно пожить с вами в России. Надеюсь, что это время еще придет когда-нибудь!

С вашего отъезда я время провел довольно печально, мне все нездоровилось; наконец теперь я выздоравливаю.

Одна вещь только меня обрадовала, это ваша машинка для визитных карточек. Она печатает отлично, и вместо подписи я сегодня напечатаю свое имя ею.

Как мне жалко, что я не могу более брать уроков математики у вас! Я думаю, что с вами я бы скоро полюбил эту науку, оттого что вы преподаете ее совершенно другим образом, как (!) все профессора.

Погода здесь дурна; ветрено, жарко и тяжело.

Сегодня у нас обед: двое соотечественников и г-жа Meysenbug³.

Прощайте, целую вас сто раз.

Печатаю пол-имени.

A l e x a n d r e

¹ Датируется по непосредственной связи с письмом Герцена к Мальвиде Мейзенбург от 23 июля 1857 г., в котором он сообщал, что "Алекс(андр) нездоров", и спрашивал, не придет ли Мейзенбург обедать к ним в субботу (которая приходилась на 25 июля). Ср. сообщение Саши: "Сегодня у нас обед: двое соотечественников и г-жа Meysenbug".

² А.А. Тучков приехал в Путней около 24 июня и уехал оттуда 18 июля (см. ЛЖГ, II, 349, 355). Возвращаясь в Россию, он некоторое время провел в Париже, куда и адресовано публикуемое письмо.

³ Письмо позволяет установить, что обед, на который Герценом приглашена была Мейзенбург 23 июля, состоялся (Саша, очевидно, не называет приглашенных по имени из конспиративных соображений. Первый – вероятно, один молодой русский, по словам Герцена, "из новых". ("Мы – старая гвардия, они – представители завтрашнего дня" – XXVI, 108.) Второй (также предположительно) – К.-К. Гофман, профессор Гейдельбергского университета (знакомый брата Мальвиды Мейзенбург), с которым Герцен встречался еще в Москве. Гофман преподавал в Московском университете в 1840-х годах древнегреческую словесность.

ТАТЕ И ОЛЬГЕ ГЕРЦЕН

Публикация Л.И. М а т ю ш е н к о и И.М. Р у д о й

После смерти жены, в условиях эмиграции, в атмосфере все усложнявшихся взаимоотношений с Тучковой-Огаревой, Герцен возлагал на сына большие надежды в соединении семьи. Об этом говорится в письме к сыну от 1 января 1859 г. (книга 1-я наст. тома). Эта тема – одна из важнейших в переписке Герцена с сыном на протяжении 1858–1869 гг., вплоть до последних дней его жизни. Герцен очень большое значение придавал переписке сына с сестрами, с юношеских лет воспитывал в нем заботу о них. Характерно, что именно в связи с отношением Саши к сестрам Герцен разъясняет: "Внимание выражает деятельную любовь" (XXVI, 203). Герцен воспитывает в сыне мужественность и широкую гуманность (см. XXVII, 24). Нередко все письма Саши к сестрам в какой-то мере оцениваются отцом. Следует сказать, что некоторые из известных нам писем и приписок позволяют видеть насколько значительна была роль брата в сохранении у девочек памяти о матери, роль связующего звена в семейных отношениях. Однако чаще Герцен высказывает неудовлетворенность сыном. И хотя упреки были порой несправедливы, опасения Герцена, что со времени женитьбы его сын отдалился от сестер, во многом оправдались. Преподавательская и научная деятельность, заботы о собственной многочисленной семье, в известной мере даже само семейное счастье притупили его внимание к сестре в период общения Таты с Пенизи. Брату не удалось предотвратить и отдаление Ольги. Через несколько лет в его доме трагически прервалась жизнь его младшей сестры Лизы.